

СОЗДАНИЕ И КРАХ ЗАКАВКАЗСКОГО СЕЙМА

(февраль—май 1918 г.)

А. Г. ГАЛОЯН

С первого же дня после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Закавказье завязалась острая борьба между силами революции и местной контрреволюции. Вследствие сложившихся условий здесь усилились позиции националистической контрреволюции. В такой ситуации 15 (28) ноября 1917 года группа политических авантюристов из контрреволюционных партий под диктовку иностранных империалистов, и в первую очередь США, с головокружительной быстротой образовали т. н. Закавказский Комиссариат и специальным указом «юридически санкционировали узурпацию власти в Закавказье. Состряпанное таким образом «правительство» Закавказья не имело никаких полномочий от народа и не пользовалось его поддержкой и доверием. Оно не решило ни одного социального вопроса в пользу рабочих и крестьян. Что же касается внешней политики этого «правительства», то явная ее антисоветская направленность сделала еще глубже пропасть между «правительством» и народом. Это «правительство» было воспринято трудящимися как отходная по мертвому миру. Даже оборонцы признавались, что «так дальше жить нельзя». Именно так писал председатель Закавказского совета солдатских и рабочих депутатов в Закавказский Комиссариат еще 4 декабря 1917 года. «От катастрофы можно уйти,—писал он,—лишь прекращая существование преступной, действительно ничего не делающей власти»¹.

Националистическая контрреволюция для спасения своей власти решила создать Сейм, привлечь к своей контрреволюционной деятельности все политические партии и организации Закавказья, в том числе большевиков, и под «демократической» маской коалиции узаконить отпадение Закавказья от Советской России. Почему меньшевики решили обновить фасад своей власти? «Непопулярность Комиссариата,— пишет по этому поводу Ст. Шаумян,—ненависть к нему со стороны широких слоев народа теперь уже вне сомнения, и вот хитроумные гг. Жордания, Гегечкори и К⁰ прибегли к обычному для оборонцев средству для продления своего жалкого существования—к новому одурачиванию народных масс»². Грузинские меньшевики не без основания надеялись, что сумеют подчинить себе все политические силы Сейма и тем самым диктовать свою политику. Идею создания Сейма Н. Жордания выдвинул еще 11 ноября 1917 г. в речи на совещании по поводу организации краевой власти в Закавказье. «Для создания в нашей стране политической власти,—говорил он,—необходимо создание местного органа—Сейма, что уже предположено... В будущем Сейме грузины образуют отдельную национальную секцию, так же поступят армяне и татары (азербайджанцы,—А. Г.)»³.

Но так как члены «парламента» не назначаются, а избираются, меньшевики решили, во избежание «недоразумений», облегчить себе задачу и без выборов создать «парламент»—Сейм, состав которого определили вожди националистической контрреволюции. Воспользовавшись тем, что и в рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов г. Тифлиса в большинстве своем заседали меньшевики, они решили мобилизовать также эту секцию. 13 января 1918 г. на ее заседании обсуждался вопрос «о разгоне Учредительного собрания». Констатируя факт роспуска Учредительного собрания, заседание постановило: «Жизненные интересы края требуют немедленного созы-

¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 1818, оп. 2, д. 296, л. 1.

² С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2. М., 1958, с. 172.

³ См. Н. Н. Жордания. За два года. Доклады и речи. Тифлис, 1919, с. 56.

ва Закавказского Сейма из депутатов, избранных в Учредительное собрание. Сейм в первую очередь должен реорганизовать власть»⁴.

Сейм должен был стать новым средством подавления революции в Закавказье в угоду господствующим реакционным классам. Предполагалось создание национальных секций в Сейме. Большевики ставили вопрос о том, чтобы «Грузии было предоставлено полное местное самоуправление... каким было сто лет тому назад»⁵, т. е. в момент вхождения Грузии в состав Российского государства. Они полагали, что «должен быть произведен раздел территории Закавказья»⁶. Мусульманский национальный комитет в свою очередь готовился объявить «дворянскую, ханскую автономию Азербайджана»⁷. Так что, не успев родиться, Сейм уже таил в себе зачатки своей гибели.

16 января 1918 года Закавказский Комиссариат обратился с предложением ко всем политическим партиям, в том числе к большевикам, принять участие в создании Закавказского Сейма. Кавказский краевой комитет РСДРП (б) отказался принять участие в новой аванюре националистической контрреволюции и выступил по этому поводу со специальным заявлением. Учитывая принципиальное значение заявления, мы приводим его полностью: «Принимая во внимание, что: 1) созываемый ныне Закавказским Комиссариатом Закавказский Сейм не имеет решительно никаких полномочий от Закавказских народов, ибо будущие его депутаты выбирались вовсе не для Закавказского Сейма, 2) Сейм этот будет не более, не менее как продолжением Закавказского Комиссариата, окончательно дискредитировавшего себя в глазах населения, 3) созыв Закавказского Сейма при создавшемся в России положении, означая фактическое отделение Закавказья от России и образование здесь самостоятельного государства помимо воли и желания народов, означает в то же самое время борьбу против Советской власти, т. е. иначе говоря, борьбу против рабоче-крестьянского правительства в союзе с контрреволюционной буржуазией и помещиками, и 4) Закавказский Сейм создается в целях противодействия укреплению объявленной в России республики Советов,—принимая все это во внимание, Кавказский Краевой комитет РСДРП (большевиков) отказывается от всякого участия в созываемом ныне Закавказском Сейме и при этом заявляет, что партия большевиков примет все меры, чтобы разоблачить инициаторов Закавказского Сейма, обманывающих народ»⁸.

Весть о незаконном (без выборов) созыве Закавказского Сейма вызвала бурный протест у революционных рабочих, солдат и крестьян края. Состоялись многолюдные собрания, митинги и манифестации, большевистские фракции Советов приняли резолюции, осуждающие антинародную затею националистической контрреволюции и требующие признать власть Совета народных комиссаров. Такие резолюции были приняты на собрании рабочих Главных мастерских Закавказской железной дороги по докладу Ст. Шаумяна «О контрреволюции и революции в Закавказье», на заседании фракции большевиков Совета солдатских и рабочих депутатов г. Тифлиса, на митингах рабочих тифлисской фабрики Сейламова⁹, рабочих Александрополя и других городов Армении¹⁰, рабочих Баку, Дербента и других городов Азербайджана¹¹. Против созыва Сейма гневно выступил Временный чрезвычайный комиссар по делам Кавказа Ст. Шаумян. В

⁴ Протоколы Закавказских революционных советских организаций. Т. 1. Тифлис, 1920, с. 229.

⁵ Н. Н. Жордания. За два года. Доклады и речи, с. 57, 58.

⁶ Там же.

⁷ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 169.

⁸ Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тбилиси, 1958, с. 186—187.

⁹ Там же, с. 188, 189, 195 и др.

¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ереван, 1957, с. 186, 187.

¹¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1957, с. 283, 291—292 и др.

своем обращении «Ко всем советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Кавказа» от 13 февраля он писал: «Не Кавказский «Сейм», во главе с беками, дворянами, буржуазно-националистическими оборонцами, а *рабоче-крестьянская республика Советов*—вот что может спасти нас от гибели»¹². Большевикам все-таки не удалось сорвать создание Сейма. Контрреволюционный националистический блок оказался тогда сильнее. Сейм был создан из отставных членов Учредительного собрания, которые выбирались вовсе не для Закавказского Сейма.

Создание Сейма преследовало также цель обессилить и упразднить Советы. Газета «Кавказская правда» писала, что контрреволюционеры «готовят могилу Закавказской революции и собираются выколотить гвозди в уготовленные ими для Советов гробы»¹³.

Первое заседание Сейма состоялось 10 февраля 1918 г. в Тифлисе. Открыл заседание председатель временного бюро по созыву Сейма Н. Чхендзе. Его выступление—образец демагогии буржуазного политического деятеля. Он начал с того, что создание Сейма как «Законодательного учреждения» считает «драгоценнейшим завоеванием революции», и заявил, что «Сейм станет на путь закрепления революционных завоеваний и проведения в жизнь лозунгов великой Российской революции...»¹⁴ Под «великой Российской революцией» Чхендзе, разумеется, понимал февральскую буржуазно-демократическую революцию, ибо меньшевики не признали «Октябрьский переворот», т. е. Октябрьскую революцию, и ратовали за созыв Учредительного собрания.

Первое заседание Сейма ограничилось лишь выступлением Н. Чхендзе, провозгласившего рождение Сейма. Представитель мусульманства Султанов заявил, что «вследствие перерыва железнодорожного сообщения с Елизаветполем и Баку, члены Сейма мусульмане от партии «Мусават» и мусульманства в России в количестве 33 человек лишены были возможности поспеть к открытию Сейма». Он предложил отложить заседание до их прибытия. Представители фракции «Дашнакдзотюн» Г. Хатисов и фракции меньшевиков Н. Рамишвили поддержали это предложение. Заседание было отложено.

Но факты говорят о другом. Заседание Сейма было перенесено на 13 февраля не потому, что часть членов Сейма от мусульманских организаций отсутствовала. Об этом известно было еще до начала заседания. Истинная причина лихорадочного перенесения заседания заключалась в том, что в час открытия Сейма в Александровском саду собрались тысячи рабочих и солдат Тифлисского гарнизона, протестовавшие против незаконной узурпации власти оборонцами и постановления Закавказского Комиссариата об аресте Шаумяна и его секретаря Кузнецова. Чхендзе косвенно признался в этом. Он говорил: «Если будут какие-нибудь *непредвиденные обстоятельства*, бюро будет сообразоваться с указаниями жизни и, быть может, заседание придется отложить»¹⁵.

Постановление Комиссариата было принято по инициативе меньшевиков. «Когда высшая краевая власть.—заявил Н. Жордания на заседании исполкома Тифлисского Совета от 10 февраля 1918 г.—признала необходимым арестовать Шаумяна и Кузнецова, и спросила нас—каково будет наше поведение в этом вопросе, мы заявили: «под вашей ответственностью, пользуйтесь нашими силами, если они вам понадобятся»¹⁶.

Демонстрация рабочих в Александровском саду была жестоко подавлена. В день второго заседания Сейма, 13 февраля, в городе еще продолжались похороны жертв

¹² С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 155.

¹³ Кавказская правда. № 1, 9 февраля 1918 г.

¹⁴ Закавказский Сейм: Стенографический отчет. Сессия первая, заседание первое, с. 1—2.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ Н. Н. Жордания. За два года. Доклады и речи, с. 62.

10 февраля, но об этом ни слова не говорилось на заседании Сейма. Меншевики боялись суда истории и не хотели оставлять признания в стенографическом отчете.

Расстрел участников мирной демонстрации в Александровском саду напоминал неадождо до того совершенное преступление Закавказского Комиссариата—разоружение и расстрел русских революционных солдат Кавказского фронта, возвращавшихся домой. Ни у кого не оставалось сомнения, что во главе власти в Закавказье стоят люди, готовые продать интересы народа империалистам любой страны, лишь бы сохранить за собой власть. Единственной партией, которая, не боясь арестов и репрессий, смело выступила против вождей националистической контрреволюции, была партия большевиков. Поэтому Закавказский Комиссариат принял решение об аресте не только Ст. Шаумяна, но и всех членов Краевого Комитета РСДРП (б), запретил издание газеты «Кавказский рабочий». Были закрыты также газеты «Брдзола», «Банво-ри крив», а типография газеты «Труд» была разгромлена.

Все это вызвало бурный протест тифлисского пролетариата. Первыми выступили рабочие железнодорожных мастерских. 9 февраля общее собрание, где участвовали несколько тысяч рабочих, постановило объявить забастовку в знак протеста против Комиссариата и требовать освобождения арестованных и снятия запрета с газет. Центральный стачечный комитет Тифлиса 11 февраля обратился с воззванием к рабочим города с требованием «1) отменить немедленно постановление об аресте представителей Российской Советской власти—т. Шаумяна и секретаря его т. Кузнецова; 2) освободить всех арестованных большевиков; 3) снять арест с газет, закрытых Комиссариатом. Стачечный комитет призывает рабочих «принять участие на похоронах жертв злодеяния Закавказских властей»¹⁷.

Второе заседание Сейма имело значение пленарного заседания. Подавляющее большинство членов Сейма составляли грузинские меньшевики. С меньшевиками образовали блок представители грузинских социал-федералистов и национал-демократов, а также партии народной свободы и эсеров. На втором месте по численности членов Сейма были представители различных мусульманских организаций: мусульманского социалистического блока, партии мусульман в России, партии «Муоават». Третье место занимали представители партии «Дашнакцутюн».

Главным вопросом повестки дня было «Сообщение правительства», с которым выступил председатель Комиссариата Е. Гегечкори. Он не представил отчета о деятельности Закавказского Комиссариата. Он искал причины для оправдания антинародной внутренней и внешней политики Комиссариата. Вот, например, как оправдывалась антирабочая политика Комиссариата: «Наша касса,—говорил он,—пустовала, между тем к нам ежедневно длинной вереницей тянулись представители рабочих масс, требуя того вознаграждения, которое они, по справедливости, должны были получить»¹⁸. Но не получали. Еще опаснее было заявление Гегечкори о том, что власть Закавказского Комиссариата якобы «по существу была властью советской, властью революционных организаций»¹⁹. «Номинально,—писал Ст. Шаумян,—они (оборонцы,—А. Г.) объявили себя Советской властью, чтобы удобнее было бороться с наступающим большевизмом, но на деле создали полновластные «национальные советы», в которых все руководство принадлежало дворянско-буржуазной интеллигенции и реакционному офицерству»²⁰.

Весь доклад Е. Гегечкори преследовал цель—подготовить общественное мнение для оправдания смертельного плана отделения Закавказья от России и превращения его в антисоветский военный плацдарм. Заявляя, что Брестский мир между Советской Россией и Германией «является полным торжеством германских империалистов», что «Россия отдана в кабалу Германскому империализму», Е. Гегечкори патетически об-

¹⁷ Борьба за победу Советской власти в Грузии, с. 218, 219.

¹⁸ Закавказский Сейм: Стенографический отчет. Сессия первая, заседание второе, с. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 197.

ращался к членам Сейма: «И сейчас перед вами стоит вопрос, как спасти, если не всю Россию, то по крайней мере ее часть...»²¹, т. е. Закавказье. Далее он напомнил членам Сейма те шаги Закавказского Комиссариата, которые с момента его создания были направлены на «спасение» этой части Советской России, т. е. на отделение края. Оказывается, Закавказский Комиссариат «признал возможным пойти навстречу командующему Турецкой армии» и 5 декабря 1917 г. заключить перемирие в г. Эрзинджане, с надеждой, что «во время перемирия соберется всероссийское Учредительное собрание, которое и выработает условия мира»²².

Турецкое командование правильно восприняло шаги Закавказского Комиссариата и уже 1 января 1918 года Вехиб-паша обратился от имени турецкого главнокомандующего Энвер-пашы к Комиссариату как к «независимому правительству» Кавказа. Более того, спустя 15 дней Вехиб-паша, по признанию Е. Гегечкори, сообщл, что «делегаты Центральных держав, собравшиеся в Брест-Литовске, готовы приложить все старания к признанию независимости Закавказского правительства»²³.

Уже на этом втором заседании Сейма был поставлен вопрос «узаконения» отделения Закавказья от России. Во многих выступлениях делается попытка оправдать постановку вопроса об отделении Закавказья тем, что без объявления его независимости Турция не будет вести переговоры о мире. Буржуазные националисты закрыли глаза на то, что Закавказье—часть России, и Советская Россия вступила в переговоры с Германией и Турцией с целью заключения общего мира с ними. Националистическую контрреволюцию больше всего беспокоили не вопросы мира с Турцией, а вопросы власти. Она не без основания опасалась, что останется в составе России значил бы если не сегодня, то завтра лишиться власти. Наиболее откровенно обо всем этом говорил в своем выступлении член Сейма Гвазава: «Вести переговоры с Турцией вы не можете, пока остаетесь частью России. Необходимо,—продолжал он,—провести юридические линии и отделить Закавказье от той России, которая существует в лице Ленина и его товарищей... Необходимо было давно государственно отделить Закавказье от государства большевиков России... иначе мы погибнем и попадем под власть большевиков»²⁴. В этих последних словах члена Сейма и заключается истинная причина стремления националистической контрреволюции отделить Закавказье от Советской России.

После дебатов была утверждена комиссия по заключению мира с Турцией. Обсуждался также вопрос об отставке Закавказского Комиссариата «ввиду образования Сейма». В своем заявлении по этому вопросу председатель Комиссариата Е. Гегечкори всячески старался смягчить ответственность «деятели» закавказского правительства за совершенные ими преступления. «Конечно,—говорил Гегечкори,—в наших действиях были ошибки и должны были быть. Об этих ошибках судите сами...»²⁵ Но об этих «ошибках» никто и не хотел говорить на заседании Сейма, ибо члены Сейма сами были соучастниками этих «ошибок». Сейм решил поручить Комиссариату продолжать работу «до момента, пока Сеймом не сконструируется власть»²⁶. Итак, Сейм санкционировал Закавказское правительство продолжать свою деятельность в старом духе.

В связи с заявлением Закавказского Комиссариата Ст. Шаумян в газете «Бакинский рабочий» от 24 февраля (9 марта) опубликовал статью «Закавказский Комиссариат и революция в Закавказье», в которой дал классовую оценку этой контрреволюционной власти. «Трудно себе представить,—писал Шаумян,—чтобы когда-либо и где-либо в мире могло существовать более жалкое и бесславное правительство, чем

²¹ Закавказский Сейм: Стенографический отчет. Сессия первая, заседание второе, с. 3.

²² Там же.

²³ Там же, с. 4.

²⁴ Там же, с. 11, 12.

²⁵ Там же, с. 10.

²⁶ Там же, с. 14.

Закавказский Комиссариат во главе с Гегемкори... У Закавказского Комиссариата с первого же дня его появления не было никакой реальной опоры и никакого морально-политического авторитета... Он повел сепаратистскую окраинную политику... отвернулся от революционной петроградской власти и вступил в фактический союз с Калединым и Карауловым... наши правители стали разрушать в Закавказье интернациональную Советскую власть и вступили на гибельный для нашего края путь активного национализма»²⁷. Так четко и принципиально Ст. Шаумян раскрыл классовую подоплеку политики националистических партий Закавказья, которые скрывали свою антинациональную политику тем, что все время говорили от имени своих наций. Это «старая манера националистов всех стран и народов»²⁸,—заметил Ст. Шаумян.

На следующем, третьем заседании Сейма, которое состоялось 15 февраля, были оглашены декларации фракций. Так как комиссия по заключению мира еще не успела выработать проект условия мира, этот вопрос тогда не обсуждался. Первым по поручению фракции меньшевиков с декларацией по поводу образования новой краевой власти выступил Н. Жордания. Он сформулировал точку зрения своей фракции относительно программы деятельности красной власти. Эта декларация имеет принципиальное значение для понимания всей последующей политики меньшевиков.

Меньшевики и после победы Октябрьской революции считали, что преждевременно говорить о социалистической революции, что «нынешняя революция и по внутренним и по политическим целям не выходит за пределы товарного хозяйства», т. е. она буржуазно-демократическая. Н. Жордания признался, что по этому вопросу «есть именно два мнения, две точки зрения, разделяемые демократией (Жордания подрагивал коалицию националистической контрреволюции, образовавшей Сейм.—А. Г.), с одной стороны, и с другой стороны, большим течением, известным под именем большевизма, и между этими двумя течениями есть нечто непримиримая борьба»²⁹. Выступление Н. Жордания преследовало цель «узаконить» отделение края от Советской России. «Сейм должен устроить все стороны нашей общественной и политической жизни»,—говорил Н. Жордания. «Сейм,—продолжал он,—должен теперь поставить своей основной задачей своими собственными силами этот молодой край, Закавказье, превратить в правовую устроенную Закавказскую республику...»³⁰

В эти же дни вопрос о взаимоотношениях Закавказья с Советской Россией обсуждался и за стенами Сейма. Большевики выступали против планов националистической контрреволюции отделения Закавказья от России. Они разъясняли рабочим и крестьянам, что отделение края нужно было только ханам и бекам, грузинским князьям и армянской буржуазии, интересы которых защищали кавказские оборонцы.

Жордания в своем докладе Сейму стремился оправдать предательскую политику оборонцев ссылкой на то, что народы Закавказья якобы были не едины в своей русской ориентации, поэтому им пришлось «выбрать среднюю линию». Критикуя маневры вождя оборонцев, Ст. Шаумян в своем докладе на заседании Бюро ЦС Советов 2(15) марта 1918 г. «О положении дел на Кавказе» отмечал: «Жордания в своем докладе Сейму говорил, что армяне и грузины склонны к русской ориентации, а татары держатся турецкой ориентации. Поэтому,—говорил он,—нужно выбрать среднюю линию между этими двумя ориентациями. Такой линией является отделение Закавказья от России... Но, понятно,—продолжал Ст. Шаумян,—что это желательно только контрреволюционным классам, стремящимся отделиться от русской демократии, а следовательно, и революции, и таким образом стать в конечном счете под протекторат Турции. Трудовой татарский народ держится другой ориентации. Крестьяне

²⁷ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 196, 197.

²⁸ Там же, с. 205.

²⁹ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 41, л. 10 (см. также: Н. Н. Жордания. За два года. Доклады и речи, с. 63—71).

³⁰ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 41, л. 11 об.

говорили... если придут турки после ухода русских солдат, то беки и ханы укрепятся и опять будут владычествовать над нами, как раньше»³¹.

Бакинский Совет выразил решительный протест против постановления Закавказского Сейма об отделении Закавказья от России, принятого под давлением мусульманских контрреволюционных беков и ханов, заседавших в Сейме. Это отделение Бакинский Совет считал «решающим шагом в направлении подчинения Закавказья Турецкому владычеству»³². Но с мнением рабочих, крестьян и революционных солдат, с их коренными интересами как во внутренней, так и во внешней политике Сейм не хотел считаться. Антисеймовские выступления рабочих и крестьян оборонцы расценивали как «анархию». Во всем Закавказье и «особенно в уездах,—говорил Н. Жорданья в своем выступлении на Сейме,—все больше и больше увеличивается анархия, бывают эксцессы, бывают происшествия самого дикого характера... Мы имеем декреты, но они остались на бумаге». Он выразил опасение, что «анархия будет развиваться и может быть эта анархия в конце концов нас и захлестнет»³³.

19 марта с резким протестом против решения Сейма об объявлении «независимости» Закавказья выступили рабочие и служащие бакинской фабрики Тагтева. «Мы заявляем бурный протест против решения Закавказского Сейма о «независимости» и совершенном отложении Закавказья от рабоче-крестьянской России,—говорилось в резолюции общего собрания»³⁴. Н. Жорданья понимал, что объединение интересов рабочего класса и капиталистов «в правовую форму довольно трудно». «Но все же мы,—говорил он,—должны всю нашу рабочую политику вести в этом направлении»³⁵, т. е. в направлении примирения интересов капитала и труда. В этом стремлении и крылась суть политики меньшевиков в рабочем вопросе.

Меньшевики придумали и свою модель разрешения национального вопроса в Закавказье. «Мы,—говорилось в их декларации,—национальный вопрос всегда мыслили в двойной форме: в форме отношения Закавказья к центру и в форме отношения населяющих наш край национальностей друг к другу. Первый вопрос волею судеб теперь снят с очереди... Но у нас есть вопрос внутренний, сложный и запутанный, и Сейм должен этим вопросом заняться»³⁶. Как видно из этого, меньшевики заведомо рассматривали Закавказье как отдельную от Советской России единицу. И поэтому предлагали «из Закавказской территории выкроить национальные территориальные единицы в ограниченных масштабах, т. е. может быть придется, чтобы одна нация... была разбита на несколько самоуправляющихся единиц, и чтобы эта нация жила во многих своих национальных кантонах»³⁷.

Таким образом, меньшевики придерживались своей старой, отвергнутой большевиками теории культур-национальной автономии в рамках единого государства. Но на данном этапе вместо царской России должно было существовать единое Закавказское государство, органы правления которого должны были находиться в руках грузинских меньшевиков. А главным принципом управления должен был принцип «разделяй и властвуй». На первый взгляд такой принцип «разрешения» национального вопроса противоречил стремлению грузинских меньшевиков восстановить полное местное самоуправление Грузии. Но на самом деле меньшевики стремились распространить свое «самоуправление» на всю территорию Закавказья. Вот так «мудро» они собирались решать этот «внутренний, сложный и запутанный» вопрос. Кстати,

³¹ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 192.

³² Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, с. 316—317.

³³ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 41, л. 11 об.—12.

³⁴ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, с. 323.

³⁵ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 41, л. 12—12 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 12 об.—13.

нужно отметить, что в нашей историографии до сих пор не обращалось внимание на эту программу меньшевиков, когда они уже были у власти.

Что касается аграрного вопроса, то меньшевики и здесь придерживались своей старой теории муниципализации земли. Лишь позже, 7 марта 1918 г. Сейм принял проект закона «Об определении нормы земли, оставляемой владельцам, и о мерах к осуществлению Земельной реформы», который фактически ничем не отличался от «Положения» Закавказского Комиссариата от 16 декабря 1917 года. На основании этого «Закона» часть земель крупных землевладельцев подлежала конфискации и передаче в ведение земельных комитетов, которые находились в руках тех же землевладельцев. «Закон» предоставлял «губернским (областным и окружным) земельным комитетам право увеличивать, в зависимости от местных условий, норму оставляемой владельцу земли... до пятидесяти десятин»³⁸. А часть казенных, бывших удельных, церковных и монастырских земель оставалась в руках министра (комиссара) земледелия. Это он должен был решить порядок передачи этих земель в ведение земельных комитетов. Как видно, Сейм и не собирался решать земельный вопрос в пользу крестьянства. А «Положение» Комиссариата и «Закон» Сейма преследовали цель предотвратить захват земли крестьянами.

Ст. Шаумян резко критиковал грузинских меньшевиков, которые всячески внушали крестьянству не прибегать ни к каким «самочинным» революционным действиям. Меньшевики грозили крестьянам, что «если они сделают подобную попытку, то они ее будут подавлять беспощадно»³⁹. «Поведение меньшевиков объясняется не ошибкой вождей,—говорил Шаумян,—а тем, что буржуазно-помещичья психология была ближе по духу им, в большинстве своем дворянам и мелкой буржуазии»⁴⁰. Разоблачая буржуазно-помещичий характер аграрной политики Закавказского Комиссариата, Ст. Шаумян писал: «Закавказский Комиссариат, объявивший войну Совету Народных Комиссаров, то есть рабоче-крестьянскому правительству России, вынужден был тоже издать декрет о «земле», но по этому «Закону» помещичье земледелие, под тем или иным предлогом, все же сохраняется, а остальные земли передаются не в распоряжение крестьянских комитетов, а каких-то земельных комитетов, назначаемых сверху. Выходит, что разрешение земельного, то есть крестьянского, вопроса совершается не самими крестьянами, как это следовало ожидать, а какими-то другими организациями, подобно тому как это имело место при отмене крепостного права, когда судьбу крестьян решали не крестьянские, а дворянские комитеты, то есть, иначе говоря, сами крепостники и рабовладельцы»⁴¹.

И в данном случае судьбу крестьян взяли в свои руки новоявленные крепостники и помещики. Вот почему большевики считали, что «земельный вопрос во всем его объеме может разрешить лишь сам народ, само трудовое крестьянство, организованное в крестьянские комитеты»⁴². А это возможно было бы лишь в результате свержения власти националистической контрреволюции и утверждения власти рабочих и крестьян. Ни «Положение» Закавказского Комиссариата, ни «Закон» Сейма не разрешили аграрного вопроса в крае. «До сих пор,—отмечал Ст. Шаумян в конце апреля,—беки и агалары являются хозяевами положения в деревне»⁴³.

В декларации меньшевиков, оглашенной на том же заседании Сейма 15 февраля, говорилось также о необходимости урегулирования финансового вопроса, ибо финансовая и вообще государственная разруха охватила все Закавказье. «В стране,—признался Н. Жордания,—много денежных знаков, а наш государственный банк пустует»⁴⁴. Несмотря на это, продолжал он, «наше управление стоит дороже, чем оно

³⁸ Там же, л. 224—225.

³⁹ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2. с. 160.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 162.

⁴² Там же, с. 163.

⁴³ Там же, с. 214.

⁴⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 41, л. 13, 13 об.

стоило до революции. Почти все те учреждения, которые были при Николае II, остались... Значит, старые чиновники остались и мы прибавили новых»⁴⁵.

Меньшевики предполагали также разогнать все национальные части и вооруженные силы страны и подчинить их Сейму. Хотя и Н. Жордания призывал Сейм «стать на тот именно путь», который он указывал, и «принять эту программу действий»⁴⁶, другие фракции придерживались иной, своей собственной точки зрения.

На этом же заседании Сейма выступивший от имени грузинских социал-федералистов Ласхишвили первым выдвинул идею создания отдельных буржуазных республик Азербайджана, Грузии, Армении. «Самой главной задачей настоящего Сейма,—говорил он,—я считаю также вопрос размежевания Закавказских народностей... В основе размежевания мы положим принцип национального расселения, затем введем корректив—опрос населения, референдум... и тогда настанет время созыва Национального Учредительного собрания для выработки демократической конституции республик Азербайджана, Грузии, Армении»⁴⁷.

Многие выступавшие все еще связывали свои надежды с Учредительным собранием, которое уже не существовало. Выступая по этому поводу, Гвазава говорил: «Многие из нас хватаются за идею Учредительного собрания, идею, которая не имеет никакого реального основания, мы должны проститься с этой мечтой... нам нужно только думать о том, чтобы мы сами спаслись»⁴⁸. Кстати, и дашнаки думали о «спасении», и с этой целью на заседании Сейма 15 февраля заявили: «Нам представляется, что установление добрососедских отношений с Турцией, после ухода русских войск, возможно...»⁴⁹

Дашнаки не стеснялись предать забвению память о геноциде армян в Западной Армении. Они не хотели потерять шансы захвата власти в Армении и отделения Закавказья от Советской России. Беспринципность партии «Дашнакцутюн» вызвала недоумение даже у членов Сейма. Вот что сказал по этому поводу Семенов: «Представитель партии «Дашнакцутюн» говорит в один и тот же день разные вещи. Раз это касается мирных переговоров... то когда мы видим, что на протяжении 7 часов могут меняться точки зрения политических партий, меняться мнения, то мы откуда знаем, что, пока пароход доведет наших делегатов до Трапезунда, не изменятся взгляды наших делегатов?»⁵⁰ Дашнаки руководствовались принципом известной поговорки: «мнение не мнение, потерять его не страшно!»

Сейм, несмотря на все это, не сумел стать хозяином положения в Закавказье.

На заседании 19 февраля снова был поднят вопрос об отделении Закавказья от Советской России. Но главари контрреволюционных партий, считая для себя этот вопрос решенным, все же боялись открыто говорить об этом народу края. «Из Тифлиса я получил сообщение,—писал по этому поводу Ст. Шаумян И. Сталину,—что вопрос об отделении не был решен на Сейме окончательно, а был передан в комиссию после доклада Жордания. На самом деле для партий на Сейме вопрос считается решенным и с этим закулисным пока решением они поехали на мирные переговоры... В Тифлисе и в других местах Закавказья, в том числе и в Грузии, устраиваются массовые митинги с протестом против отделения, и против Закавказского Сейма»⁵¹.

Как позже стало известно, «Закавказский Сейм объявил независимость Закавказья по требованию «Мусавата» и под давлением турецких империалистов»⁵². Им в этом деле помогали меньшевики и дашнаки. Н. Жордания, выступая на заседании Сейма 19 февраля, призывал создать «сильную власть Сейма» и с этой целью считал

⁴⁵ Там же, л. 14 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 24 об.

⁴⁸ Там же, л. 29.

⁴⁹ Там же, л. 42 об., 43.

⁵⁰ Там же, л. 43.

⁵¹ С. Г. Шаумян и избранные произведения. Т. 2, с. 195.

⁵² Там же, с. 239.

необходимым, чтобы «национальные части... были подчинены этой власти»⁵³. В тот же день Н. Жордания выступил также на заседании Краевого Центра Советов. «Есть два центра: Сейм и Краевой Центр Советов,—говорил он.—Отношение Сейма к Центру (Краевому,—А. Г.) нам еще неизвестно... Многие товарищи думают о том, кто кому должен подчиниться... Мы должны... оказывать влияние на Сейм через наших товарищей»⁵⁴.

22 февраля 1918 г. на заседании Сейма продолжались дебаты о независимости Закавказья. Выступления Н. Жордания всегда отличались политической демагогией, но на этот раз Жордания превзошел самого себя. Предательский акт националистической контрреволюции об объявлении «независимости» Закавказья Н. Жордания «оправдал» тем, что якобы «Россия, которая здесь охраняла нас и устанавливала так или иначе порядок в течение 100 лет, вдруг от этого отказалась, она отказалась от своей собственной ориентации и она предложила, чтобы мы сами стали на ноги и сами стали себя оберегать»⁵⁵. Зачем же, спрашивается, Н. Жордания понадобилась такая ложь? На этот вопрос он отвечает сам: «необходимо, чтобы самостоятельность нашей окранны была принята всеми—не только чужими государствами, но прежде всего принята и понята у нас внутри народа нашей окранны, нужно, чтобы у нас были какая-нибудь гарантия, что объявление самостоятельности не послужит здесь сигналом всеобщего национального пожара»⁵⁶.

13 марта Закавказский Сейм обсуждал сообщение правительства о мирных переговорах в Трапезунде⁵⁷. Уже на этом заседании подчеркивалось, что «Закавказье на мирные переговоры с Турцией явилось как самостоятельное государство»⁵⁸. А на заседании Сейма 9 (22) апреля официально был решен вопрос об объявлении «независимости» Закавказья⁵⁹.

Закавказский Комиссариат и Сейм с особой тревогой следили за ходом событий в Баку. Их сильно беспокоило упрочение там Советской власти. Существованием Советской власти в Баку они объясняли мощный подъем революционных выступлений рабочих и крестьян во всем остальном Закавказье. Комиссариат и Сейм организовывали всяческую помощь контрреволюционным силам в Баку. Не добившись ощутимых результатов в своих коварных действиях, националистическая контрреволюция в лице Комиссариата и Сейма решила вооруженной интервенцией извне свергнуть Советскую власть в Баку. С этой целью 20 марта 1918 года объединенное заседание Президиума Закавказского Сейма, представителей фракций Сейма и Закавказского Комиссариата обсудило доклад заместителя министра-председателя, министра внутренних дел Н. Рамншвили «О действиях правительства в связи с положением дел в Баку».

Н. Рамншвили сообщил «сведения правительства о большевистском движении в Закавказье», причем заявил, что таковое «проявилось не только со стороны Баку, но и других частей края и сопровождалось занятием Владикавказа и попыткой занять Петровск и Дербент»⁶⁰. Далее он сообщил: «Правительство, сознавая, что господство большевиков в Баку является вечной угрозой для Закавказья, решило принять все меры, дабы положить конец их власти». К числу этих мер относилась организация сводного отряда под командованием генерала Одншелидзе «для занятия Баку и восстано-

⁵³ Н. Н. Жордания. За два года. Доклады и речи, с. 71—72.

⁵⁴ Там же, с. 73.

⁵⁵ Там же, с. 76, 78.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ А. Г. Галоян. Сепаратные турецко-закавказские переговоры в Трапезунде (март—апрель 1918 г.).—Вестник общественных наук АН АрмССР. 1984, № 10, с. 28—40.

⁵⁸ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 32, л. 3.

⁵⁹ А. Г. Галоян. Отделение Закавказья от Советской России—следствие антисоветской политики Закавказского Сейма.—Вестник общественных наук АН АрмССР. 1985, № 6, с. 3—17.

⁶⁰ ЦГИА ГрузССР, ф. 1819, оп. 1, д. 4, л. 3 об.

ления в нем власти Закавказского правительства»⁶¹. Сообщение Рампшвили вызвало бурный обмен мнениями. Еще ни на одном заседании Закавказского Сейма и Комиссарната так неистово не проявлялся оголтелый антисоветизм этих контрреволюционных властей.

Генерал Одинопелидзе сообщил, что во исполнение поручения Комиссарната он обратился к главнокомандующему Кавказской армии для передачи распоряжения об организации сводного отряда. Мусаватист Шихлинский и грузинский князь полковник Магалов предложили сформировать в двухнедельный срок конную дивизию численностью в 10.000 всадников-татар, при условии выдачи им соответствующего вооружения и аванса в размере полумиллиона рублей. А помощник Комиссара по госконтролю в Закавказском правительстве Рустамбеков заявил: «Оплот большевиков—Баку, и надо во что бы то ни стало ликвидировать его силой оружия»⁶². Таким образом, мусаватисты брали на себя роль палача Советской власти в Баку.

Своеобразную позицию занимали дашнаки. Министр финансов Закавказского правительства Карчакян, с одной стороны, заявил, что «посылка мусульман вылилась бы в национальное нашествие..., направленное исключительно против армян»⁶³, с другой—посоветовал создать условия для вывода из Баку большевистски настроенных армян-солдат и тем самым облегчить задачу подавления Советской власти. «Главной силой большевиков в Баку,—говорил Карчакян,—являются 5000 армян-солдат, стремящихся вернуться на родину. Поэтому наша главная задача—создать им возможность проезда на родину и гарантировать им неприкосновенность. Тогда никакие силы не могут задержать их в этой тече домой. И уже этим половина нашей задачи (т. е. удущения Советской власти в Баку,—А. Г.) будет выполнена»⁶⁴.

Мусаватисты продолжали настаивать на своем. Рустамбеков заявил, что «армянских солдат не вывести добровольно из Баку—им там хорошо и уйти они не захотят... а правительство не может выставить стойкие войска против большевизма». Джафаров же категорически заявил, что «только мусульманские войска могут спасти страну от анархии, а потому мусульманский корпус должен получить невыданное ему и полагающееся по справедливости оружие и снаряжение»⁶⁵. Так мусаватисты полностью раскрыли свои карты: еще до распада Сейма, опираясь на поддержку ворвавшихся в Закавказье турецких сил, под видом борьбы с большевизмом использовать возможность для захвата власти в Баку.

После дебатов члены Сейма пришли к выводу о необходимости создания сводного отряда для захвата Баку, но «при одном условии, чтобы русские и армянские части, как недостаточно стойкие против большевизма, не были включены в состав отряда»⁶⁶. Было постановлено «предложить правительству экстренно организовать сводный интернациональный и боеспособный отряд для восстановления власти Закавказского правительства в г. Баку»⁶⁷. Это подлое постановление Сейма окрылило внутреннюю контрреволюцию в Баку. Особенно агрессивными стали мусаватисты. Если бы они взяли верх в Баку, то, как писал Ст. Шаумян, «мусульманские контрреволюционные элементы оказались бы хозяевами положения во всем Закавказье. Если иметь в виду их политические цели—отделение Закавказья от России и подчинение турецкому протекторату—ясно, что их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России». Эта опасность была вполне реальной, так как Турция начала новое наступление на Закавказье. «А это наступление Турции должно было быть связано с наступлением мусульман внутри Закавказья, захватом власти в Баку и т. д.»⁶⁸

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 4.

⁶³ Там же, л. 4 об., 6.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 6, 6 об.

⁶⁶ Там же, л. 6 об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 209.

Попытка закавказской националистической контрреволюции силами мусаватистских банд подавить Советскую власть в Баку закончилась полным провалом. В течение 30—31 марта и 1 апреля вооруженные силы Бакинского Совета, куда входили азербайджанцы, армяне, грузины, русские и др., разгромили банды вооруженных мусульманских соединений, руководимые мусаватистами, что укрепило Советскую власть в Баку и ознаменовало начало активной вооруженной борьбы за Советскую власть в Закавказье. 25 апреля 1918 года Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов образовал Бакинский Совет народных комиссаров. Хотя Совет образовался как местное правительство, он фактически стал базой распространения Советской власти во всем Закавказье. В этом историческая заслуга Бакинской коммуны.

Закавказский Сейм всячески скрывал от народных масс, что сам являлся инициатором вооруженного похода контрреволюционных сил на советский Баку. С другой стороны, ответственность за пролитую кровь в Баку, за развязывание гражданской войны главарь Сейма свалил на Советскую власть. А после провала авантюры националистической контрреволюция, пользуясь нехваткой продовольствия, стремилась с помощью голода задушить Советскую власть. Меншевицкие провокаторы настраивали рабочих против советских организаций. «Они,—говорил Ст. Шаумян,—играли на чувствах народа, озлобленного и утомленного отсутствием хлеба. Они знали, что разум не устоит против голода. И меньшевики пользуются этим... черносотенный дух сильно поднял голову за последнее время»⁶⁹. Несмотря на это, большевики Закавказья шаг за шагом разоблачали антинародную деятельность главарей националистической контрреволюции, «ослабляли губительную политику Сейма»⁷⁰.

Рост влияния большевиков на широкие народные массы вызвал тревогу в правящих кругах. Вот что писал тифлисский губернский комиссар в своем обращении министру внутренних дел от 8 мая 1918 года: «Если Закавказское правительство хочет подавить рост большевистского влияния в крае, то оно должно немедленно... стать на почву решительной борьбы с анархией... страна погибнет, если правительством немедленно не будут предприняты самые радикальные меры...»⁷¹. Но чем «радикальнее» были меры националистической контрреволюции против революционно настроенных рабочих, крестьян и солдат, тем решительнее было выступление последних против узурпаторов власти.

Контрреволюционная внешняя и внутренняя политика Сейма, а также обострение противоречий между правящими буржуазно-националистическими партиями неизбежно должны были поставить Сейм перед крахом. 26 мая 1918 года Сейм собрался на «торжественно-траурное» заседание, где он должен был констатировать факт не только своего краха, но и распада Закавказской «федеративной» республики. Меншевик Ир. Церетели вынужден был признать, что «единого Закавказья в настоящий момент нет... у нас есть фиктивное единство Закавказья»⁷².

Но буржуазно-националистические партии, создав Сейм, добились отпадения Закавказья от Советской России и открыли ворота Закавказья для вторжения германотурецких войск в пределы края и его оккупации. В этом предательском акте повинны все без исключения буржуазно-националистические партии. «Между ними,—метко сказал Ст. Шаумян,—должен быть поставлен знак равенства... Они объявлены всем Закавказским крестьянством и рабочими врагами народа»⁷³.

⁶⁹ Там же, с. 229, 232.

⁷⁰ Там же, с. 241.

⁷¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 1818, оп. 2, д. 259, л. 11.

⁷² Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919, с. 317, 318.

⁷³ С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, с. 269.

ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՍԵՅՄԻ ՍՏԵՂՇՈՒՄԸ ՈՒ ԿՈՐԾԱՆՈՒՄԸ
(1918 թ. փետրվար-մայիս)

Ա. Գ. ԳԱՆՈՅԱՆ

Ա մ փ ա փ ա լ մ

1917 թ. նոյեմբերի 15 (28)-ին ստեղծված Անդրկովկասյան կոմիսարիատն իր արտաքին ավանտյուրիստական և ներքին հակահեղափոխական քաղաքականության հետևանքով շուտով կանգնեց սնանկացման առաջ: Իր իշխանությունը փրկելու նպատակով ազգայնական հակահեղափոխությունը դիմեց ժողովրդին խաբելու նոր քայլի՝ 1918 թ. փետրվարի 10-ին ստեղծվեց Սեյմ, որը, սակայն, գոյություն ունեցավ մինչև 1918 թ. մայիսի 26-ը: Սեյմը ևս չլուծեց ո՛չ հողային, ո՛չ բանվորական և ո՛չ ազգային հարցերը: Տրապիզոնի և Բաթումի խաղաղության կոնֆերանսների ժամանակ լիովին բացահայտվեց Սեյմը ղեկավարող ուժերի՝ վրաց մենշևիկների, դաշնակցականների և մուսավաթականների հակաժողովրդական քաղաքականությունը: Սերվեցին բուրժուազգայնական հակասությունները նրանց միջև: Բանակցությունների ընթացքում Սեյմի պատվիրակության ազգային ֆրակցիաները գաղտնի, անջատ բանակցությունների մեջ մտան Դևրմանիայի և Թուրքիայի հետ: Նրանց ճնշման տակ Սեյմը Անդրկովկասը հայտարարեց «անկախ»: Իս խոշորագույն դավաճանություն էր երկրամասի ժողովրդի շահերի հանդեպ: Թուրքիան, օպտվելով ստեղծված վիճակից, առաջ շարժեց իր զորքերը և զենքի ուժով իր կամքը թելադրեց Սեյմին՝ զավթելով Անդրկովկասի տերիտորիայի մի զգալի մասը: Սեյմի գործունեության վերլուծությունը բացահայտում է բուրժուազգայնական կուսակցությունների քաղաքականության հակասովետական ուղղվածությունը, նրանց հակաժողովրդական էությունը, Բաթմի կոստանայի դեմ կազմակերպած դավերը, երկրամասում հեղափոխական շարժումները ճնշելու ուղղությամբ ձեռնարկած քայլերը: Սեյմի գործունեությունը ցույց տվեց, որ բուրժուազգայնական կուսակցությունների ստեղծած Անդրկովկասի «ֆեդերատիվ» հանրապետությունը պատրանք էր և, շղթմանալով առաջին իսկ փորձությանը, փլուզվեց: Սեյմի փլատակների վրա ստեղծվեցին Վրաստանի, Ադրբեջանի և Հայաստանի բուրժուական «անկախ» հանրապետությունները, որը մեծապես խոչընդոտեց Անդրկովկասի բազմազգ պրոլետարիատի ինտերնացիոնալ միասնությանը և ժամանակավորապես նպաստեց բուրժուազիայի տիրապետության հաստատմանը: Երկուսսանի աշխատավորները, բուլնիկյան կազմակերպությունների ղեկավարությամբ, ոչ մի օր չդադարեցրին պայքարը ազգայնական հակահեղափոխության և օտարերկրյա իմպերիալիստների դեմ՝ սովետական իշխանության հաստատման համար: